

ГОЛУБКА

В городе все знали друг друга в лицо, знали по именам. А старики — даже родословную каждой семьи. Не знали только родословную милиционера Козлова, который недавно приехал с двухлетней дочкой Диной. Дядя Козлов — так звали большого добродушного человека в милицейской форме все мальчишки города. Потом и взрослые стали его так величать. Он с дочуркой жил в нашем дворе, отгороженном от городского бульвара невысоким штакетником.

Большинство мальчишек и девчонок у нас имели клички. Клички прилипали так цепко, что настоящие имена как-то забывались... В четыре года получила свое прозвище и Дина. Во всем детском саду ни у кого не было таких больших и голубых глаз, как у нее. Поэтому и прозвали ее Голубкой. Ну, а меня судьба помиловала только потому, что имя мое было единственным в городе и не было надобности давать мне кличку.

С Диной мы быстро сдружились. Если в детском саду кто-нибудь ее обижал, она называла обидчику мое имя, давая тем самым знать, что тот будет иметь дело со мной. Вообще ее редко кто обижал. Все знали, что у Дины папа — милиционер. А милицией родители стращали ребятишек и в наше время...

Дядя Козлов часто ходил к нам домой, и они подолгу засиживались с моим отцом. Наши отцы часто водили нас в лес. Это счастливое время запомнилось мне особенно крепко потому, что очень скоро все изменилось.

Сначала уехал куда-то мой отец, потом дядя Козлов. Бабушка Дины кричала на весь двор, обвиняя нас в каком-то несчастье.

Дина ходить к нам перестала, и я к ним тоже. Встретились мы в школе, когда пошли в первый класс. В классе вскоре все знали, что мы не разговариваем. Знали и даже привыкли к этому. Один я не мог привыкнуть. В пятом классе классная руководительница посадила нас за одну парту.

Мы с мальчишками, собираясь вместе, «делили» между собой наших девчонок. Это было на полном серьезе и с полным

соблюдением конспирации. Никто не имел права влюбляться в «чужую».

Дина и не подозревала, что она стала «невестой» Рыжего Робика (в классе у нас было три Роберта). Дина-Голубка, самая стройная, высокая блондинка, такие большие бездонные глаза — и вдруг Рыжий Робик с мириадами грязных веснушек на скуластом лице.

Из проволоки мы делали перстни со спиралью вместо камней. Никто, конечно, не осмелился бы отдать своей девочке перстень, но все же мы тщательно и с волнением крутили спирали вместо камней. У Рыжего Роберта ничего не выходило.

— Хочешь, я сделаю тебе красивый перстень? — сказал я ему. — У меня есть хорошая проволока, вся блестит.

— Хочу, — обрадовался Рыжий Робик.

— Только с одним условием. — Я отвел его в сторону. — Мы с тобой поменяемся невестами.

— Как?

— Я тебе — Люшку-Птушку, а ты мне — Голубку.

— Бери, — равнодушно сказал Рыжий Робик. Мне даже Птушка больше нравится... Да, — спохватился Рыжий Робик, — вы же с ней в ссоре?

— Ну и что? Ты только никому не говори...

Рыжий Робик оказался честным товарищем. Он никому не сказал.

Удачный разговор с Рыжим Робиком казался мне победой. Я осмелел. Во время уроков нарисовал на листочке сердце, пронзенное мечом и стрелой, — тогда это был модный символ, он даже был выколот у многих на плече, — и незаметно для Дины вложил листок в ее тетрадь. После этого всю неделю специально во время перемены я оставлял свою тетрадь на парте. Каждый день дома тщательно перелистывал ее — тщетно... Но однажды, когда надежда почти угасла, я открыл ее и обнаружил то, чего так долго ждал. На листке бумаги были нарисованы гроб и береза. Гроб походил на обыкновенный ящик, а береза вообще ни на что не походила. Но я сразу догадался, что это такое, — тогда ведь и такой символ был модным. Он означал «любовь до гроба и до белой березки».

Для меня тот день стал праздником. Шутка ли, так давно я думаю о Голубке, столько лет она упорно не хочет со мной говорить, и вдруг такое... Я написал целое письмо и вложил в ее тетрадь. Мы стали писать друг другу ежедневно. И с каждым днем письма становились все длиннее. Из книг я выписывал

красивые умные слова и, презрев всяческие кавычки, адресовал их Дине. Я бережно хранил все ее письма в погребке на дне старого чемодана.

В шестом классе я прочел в «Пионерской правде» о приеме в Нахимовское училище и решил поступить туда. В очередном письме я написал Дине об этом. Написал, что никогда ее не забуду, буду учиться хорошо, буду писать каждый день, а потом мы поженимся.

Однажды Дина опоздала на первый урок. Она вошла в класс, и я сразу заметил, что на ней лица нет. Бледная-бледная. Села рядом. Глаза испуганные, широко раскрыты и смотрят куда-то в пустоту. Мне очень хотелось спросить, в чем дело, и впервые по-настоящему я пожалел, что мы не разговариваем, а только переписываемся. Иногда мне казалось, что если я ее спрошу о чем-нибудь вслух, то не поверю собственному голосу... В тот день была ее очередь отдавать письмо. Несмотря на загадочное Голубкино состояние, я привычно подвинул ей тетрадь, чтобы после перемены взять письмо, — так мы делали всегда. Письма не было. Я несколько раз собирался было спросить, что случилось, но так и не решился.

Перед последним уроком в класс вошел старший пионервожатый Самокритик и сказал, чтобы после занятий мы не расходились — будет пионерское собрание отряда.

Самокритик был не только старшим пионервожатым, он еще преподавал в первом классе. Маленького, толстого, с узким лбом и всегда красными щеками, его в школе не любили. Особенно мальчишки. Не любили за то, что он всегда стыдил при всех. Очень быстро к нему прилипла кличка Самокритик. В каждом классе он проводил собрания, заставлял пионеров выступать с критикой и самокритикой.

Собрание началось сразу после последнего урока. Мне всегда нравились классные собрания. Как-то свободно и легко на душе оттого, что все сидят на своих местах, а спрашивать урок никого не будут.

Голубка сидела рядом все такая же испуганная и бледная. В класс вошел старший пионервожатый и с ходу объявил о повестке дня:

— Сегодня мы должны разобрать поведение пионерки Козловой Дины.

Я вздрогнул, когда посмотрел на старшего пионервожатого, потом на Дину, и сразу понял, в чем дело. Не знаю почему, но в голове вырисовывалась картина: Дина нечаянно выронила

письмо. Кто-то подобрал и отдал его Самокритику: все знали, что такие вещи он любит. Я мгновенно развил мысль дальше и уже ясно видел, как Самокритик в учительской, смеясь, читает вслух письмо, адресованное мне.

Только потом я узнал, что все именно так и было. Самокритик читал письмо. Парты ходили ходуном. Ребята визжали так, словно смотрели чаплинский фильм. Молчал только я. Худые плечи Дины вздрагивали всякий раз, когда она всхлипывала.

Прочитав письмо до конца, Самокритик с трудом успокоил класс и потом долго говорил, что это великий позор, когда пионерка пишет пионеру такое письмо. А наши традиционные гроб с березой он назвал тяжелым и непонятным словом «мещанство».

На следующий день Голубка не пришла в школу. Она не ходила целую неделю. Удивительным было то, что класс, который хохотал от удовольствия на собрании, после с чуткостью и пониманием относился к Голубкиной трагедии. Трагедия была также и моей, но никто, кроме Рыжего Робика, об этом не знал. Я ходил злой от беспомощности, оттого, что я не смог ничего сделать на собрании, чтобы спасти Дину-Голубку от позора. О случившемся узнали родители и учителя. И вскоре Самокритика выгнали из школы.

Дина вернулась в класс. Девчонки ее встретили так, будто она стала олимпийской чемпионкой. Дина подошла к нашей парте, назвала меня по имени и поздоровалась...

Я не был в родном городе много лет. После Нахимовского училища окончил военную академию. Судьба сложилась так, что я ни разу не смог приехать к своим. Город стал неузнаваем. Остался неизменным только наш старый бульвар. Знакомых и друзей почему-то не было видно. Я сидел на длиннющей деревянной скамейке и уныло смотрел на прохожих. Шумели и галдели дети, катаясь на велосипедах и самокатах. Вдруг я услышал свое имя. Я вздрогнул и посмотрел в сторону, откуда доносился голос. В конце аллеи на скамейке сидела женщина. Я смог только заметить, что она довольно полная. Женщина еще раз протяжно назвала мое имя и добавила: «Не ездь так далеко».

Я никогда не встречал человека с моим именем. И даже свыкся с мыслью, что ни у кого больше такого имени нет. Я посмотрел на ребенка, который был моим тезкой. Пухлый рыжеволосый мальчуган с большими голубыми глазами, в коротких штанишках пыхтел на старом трехколесном велосипеде.

де. Прижавшись к рулю, он старательно работал ногами, но велосипед, казалось, стоял на месте. Я позвал мальчишку, и он тотчас повернул ко мне, слез с велосипеда, оставив его посреди аллеи.

— Как зовут твою маму? — спросил я.

— Моя мама — доктор, — сказал он, еще не отдышавшись.

— Доктором она работает. А как ее зовут?

— Мою маму зовут Дина.

Я посмотрел на блондинку.

— Вон моя мама, — мальчик показал пятерней. — А папу зовут Роберт. Он тоже доктор, только зубы лечит.

Я продолжал смотреть на блондинку. Она читала книгу.

— А еще мою маму зовут Голубка, а папу — Рыжий Робик.

— Как ты сказал?

— Когда к нам приходят папины друзья, они папу называют Рыжим Робиком, а маму — Голубкой. А мне мама сказала, что у меня никогда не будет клички, потому что ни у кого нет такого имени, как у меня.